

РЕФЛЕКСИИ НА СЕБЯ И НА ДРУГИХ

Научные дискуссии

Сергей Пилецкий

О ХИМЕРЕ НАУЧНОСТИ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Считается, что психология выкристаллизовалась из философии. В методологии принято сепарировать философию от наук. Обсуждается давняя, но во все времена актуальная проблема – научность философии. Автор подвергает сомнению сей статус и старается доказать, что искусственно навязываемые философии требования и каноны научности чрезвычайно сужают горизонты философских интересов и обедняют поле исследовательской деятельности. Более того, автор пытается обосновать, что стереотипы и «трафареты» извращенно понимаемой научности могут быть вредоносны как для индивидуального философского творчества, так и для судьбы философии вообще.

Ключевые слова: философия; методология науки; научность; фундаментальная наука; прикладная наука; каноны; критерии; рациональность; творчество.

Abstract. Psychology has been “crystallized” from philosophy. Philosophy is also separated from sciences. The ancient, but actual in all the times problem – the scientific status of philosophy is devoted. The author questions this status and tries to prove that the artificial imposing of the requirements and canons of science to philosophy extremely narrow the horizons of the philosophical interests and impoverishes the field of the research activity. Moreover, the author attempts to justify the thesis that the stereotypes and the «stencils» of the perverted understanding of the scientific status are quite harmful both for the individual philosophical creation and for the perspectives of philosophy in common.

Keywords: philosophy; science methodology; scientific status; fundamental science; applied science; canons; criterions; rationality; creation.

Приглашение
к размышлению

Наука, научность, наукоемкость. Сомневаться сегодня в радужных перспективах всего этого как-то даже неприлично. Мы и не будем. Я предлагаю усомниться в другом: не только и даже не столько в мере научности самой философии, сколько в том, что ей вообще надо быть научной, так сказать, соответствовать духу времени и тужиться подтянуться до некоего нужного уровня.

Тема научности
философии как реликт
трех волн позитивизма

Всерьез говорить о научности философии, и не только говорить, но и доказывать ее, убеждать в ней начали во времена советской власти. И это, заметим, уже после трех накативших волн позитивизма: от О. Конта¹, Г. Спенсера² и Дж.С. Милля³ через эмпириокритицизм Э. Маха⁴, Р. Авенариуса⁵ и Г.Л.Ф. Гельмгольца⁶ к неопозитивизму Б. Рассела⁷ и Л. Витгенштейна⁸, а от них к плеяде представителей «Венского кружка»⁹. В данном случае не столь важно, что многие из их радикальных методологических тезисов не оправдались, выбраковались временем. В частности, что «развитая наука – сама себе философия», что ей по силам «очиститься от метафизики», равно как и выработать некий универсальный язык научности в виде формализованного языка математической логики. Сейчас более важно подчеркнуть другое: они в своих исследованиях подметили, оформили и во весь голос стали взывать к тому, что «два соловья на одной ветке не поют», что традиционной философии нет места в пенатах науки. Чем обижаться, надо было бы понять, что в этом они правы, что надо просто пересесть на другую ветку – на древе познания всем места хватит.

Философия
и «прокрустово ложе»
научности

Правду говорят, что философия под достаточно жесткие критерии научности (речь идет, конечно же, о естественных

¹ *Конт Исидор Мари Огюст Франсуа Ксавье* (1798–1857) – французский мыслитель, философ, методолог науки, родоначальник позитивизма, социологии.

² *Спенсер Герберт* (1820–1903) – английский философ, ученый, один из родоначальников эволюционизма.

³ *Милль Джон Стюарт* (1806–1873) – английский философ, ученый, экономист.

⁴ *Мах Эрнст* (1838–1916) – австрийский физик, философ.

⁵ *Авенариус Рихард* (1843–1896) – швейцарский философ, основоположник эмпириокритицизма.

⁶ *Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд фон* (1821–1894) – немецкий физик, врач, физиолог, психолог.

⁷ *Рассел Бертран* (1872–1970) – английский философ, логик, математик.

⁸ *Витгенштейн Людвиг* (1889–1951) – австрийский философ, логик.

⁹ «Венский кружок» – сообщество философов и ученых, собиравшихся в Вене с конца 1920-х до середины 1930-х гг. под руководством немецкого философа Морица Шлика (1882–1936).

науках; их-то и величают этим почетным именем “science”, а то, что мы привыкли обозначать как гуманитарные науки, везде числится под грифом “art”) не проходит. Не проходит, как тот верблюд в то самое игольное ушко. Да, но трагикомизм-то в том, что и хорошо, что не проходит, совсем даже и не надо, чтобы проходила! В самом деле, суждения философии (ее повествовательные предложения) к языку математической логики не сведешь. Прекрасно, она тем и хороша, что через эту свою «скромность» тем и милее. В самом деле, суждения философии до протокольных предложений не редуцируешь. Не расстраиваться – гордиться этим надо! В этом нравственная суть философии и ее гуманитарная миссия. Большая часть суждений философии сквозь «сито» верификации (да и фальсификации тоже) не пролезет. Не печалиться – радоваться надо. В этом – величие философии и ее масштаб мысли. Представляете, что стало бы с философией, если бы она вздумала руководствоваться принципом практической проверки всех своих теоретических положений?! Она превратилась бы, конечно, не в «служанку богословия» (что на ее долгом веку, заметим, уже было), а в «лаборантку» прикладной науки. Причем именно прикладной, а не фундаментальной, поскольку за изматывающей, суетной занятостью постоянной корреляции всех своих тезисов по шаблону эмпирического тестирования не осталось бы ни времени, ни сил, ни желания даже пытаться генерировать суждения, претендующие на статус фундаментальных. Зациклились бы на растворах, колбах, пробирках, микроскопах и иных приборных установках, из «кабинетной» философию превратили бы в «препараторскую». И что же в этом, позвольте спросить, было бы хорошего?!

Ученый-прикладник
и философия

Получается парадокс: без науки философия обойтись может, а вот наука без философии – вряд ли. С одной лишь оговоркой: вот тут как раз наоборот – речь идет о науке фундаментальной, а не прикладной. Ученый-«прикладник» как с успехом без философии обходился, так и обходится и, можно не сомневаться, всегда обойдется. Дело в том, что он своего ничего не изобретает, нового знания не создает, его прямой и непосредственной задачей является внедрение в практику чьих-то вчерашних, а то и позавчерашних теоретических разработок. Никто не спорит: занятие нужное и ответственное, требующее высокого напряжения, умения и мастерства, но весьма специфическое – на первых ролях ему никогда не бывать. Тут важны скромность и трудолюбие. Причем по жизни он вполне может быть философствующим субъектом, даже увлеченным и восторгающимся философией

Ученый-теоретик
и философия

О главной цели
и задаче
теоретического
уровня научных
исследований

в качестве своего хобби, но для его сугубо профессиональной деятельности она ему никак не пригодится. Даже, напротив, может, отвлекая, мешать.

А вот ученому-теоретику без философии никак не обойтись – это его судьба, это его «крест». И как от судьбы никуда не деться, так и ученому-теоретику от философии никуда не убежать. У римлян на сей счет была меткая поговорка: “*Fata tolentem decunt nolentem trahunt*” (лат. – «Судьба направляет того, кто ее принимает, и тащит того, кто ей сопротивляется»). Так и тут: как бы ученый-теоретик лично к философии ни относился, он волей-неволей вынужден к ней прибегать, ответственно занимаясь своей профессией и, собственно, получая за это от общества деньги. Это, если так можно выразиться, его служебный «вицмундир», который он, оправляясь на работу, вынужден надевать и носить и на котором, кстати говоря, отмечаются все его регалии. Мало того, как ни удивительно, без ученого-теоретика и регалий-то никаких бы не было. Это странно, но вполне объяснимо.

А объясняется это так. Как известно, вода мокрая, масло масляное, соль соленая, а главная цель и задача теоретического уровня научных исследований – это создание адекватных теорий, то есть таких, которые бы достоверным образом описывали и объясняли окружающую человека физическую реальность. А раз ты ученый-теоретик, то, как говорится, «назвался груздем – полезай в кузов», то есть будь любезен представить миру достоверное новое знание об изучаемом классе явлений. Причем непременно новое, поскольку науку вчерашний и позавчерашний день не интересует, сегодняшний – поскольку постольку, а вот завтрашний – в первую очередь и в полной мере. Но как только ты попытаешься даже не то чтобы создать новую теорию, а хотя бы сказать свое новое слово в науке, ты вынужден будешь выходить на некие философские основания, без чего тебе просто невозможно будет продолжать научный поиск. Тебе будет необходимо как-то вписывать свою теорию либо это новое слово в уже существующую парадигму, в уже существующую общенаучную картину мира. А для этого тебе нужно будет, во-первых, выходить на базовую категориальную сетку, проводить ее экспликацию и рефлекссию: осмысливать значение и содержание основных онтологических, гносеологических, а с недавнего времени и аксиологических категорий. А во-вторых, поскольку главной задачей естественнонаучной теории ставится выведение адекватных законов функционирования изучаемых классов явлений, нужно будет как-то встраивать выводимый тобой закон в уже существующую иерархию частных и фундаментальных законов

данной научной парадигмы. Если этот закон или вся твоя теория вписываются в уже существующую картину мира, то ты должен в ней это отразить и явным образом позиционировать. А если они противоречат, не вписываются в существующую парадигму, так сказать, претендуют на революционность – тем более. Это вовсе не значит, что в качестве консультанта нужно иметь подручного профессионального философа, кто бы «из-за плеча» проводил для тебя сию архиважную методологическую пропедевтику. Это лишь значит, что тебе без нее никак не обойтись, и ты обречен проводить ее сам.

Как уже было отмечено, это касается всего естествознания. Скажите на милость, как без анализа философских оснований можно было бы представить себе переход от фалесовской космологии с образом Земли как диска, плавающего на бесконечной воде, к птолемеевской – геоцентрической, а от нее – к гелиоцентрической коперниканской в астрономии? Как без одного представить, скажем, переход от креационистской концепции к эволюционной ламаркистской, а от нее – к эволюционной дарвинской в биологии? Но наиболее ярко, иллюстративно, дидактически показательно методологические революционные перемены, философские в своей сущности, могут быть прослежены в физике при переходе от классического типа рациональности к ее неклассическому типу.

Через все классическое естествознание начиная с XVII века проходила идея, согласно которой объективность и предметность научного знания достигается только тогда, когда из описания и объяснения исключается все, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности. Эти процедуры принимались как раз и навсегда данные и неизменные. Идеалом было построение абсолютно истинной картины мира. Главное внимание уделялось поиску очевидных, наглядных, вытекающих из опыта онтологических принципов, на базе которых можно строить теории, объясняющие и предсказывающие опытные факты. Эти идеалы и нормативы «сплавлялись» с целым рядом конкретизирующих положений, которые выражали установки механистического понимания природы. Объяснение истолковывалось как поиск механических причин и субстанций – носителей сил, которые детерминируют наблюдаемые явления. В понимание обоснования включалась идея редукции знания о природе к фундаментальным принципам и законам механики. В качестве эпистемологической составляющей этой системы выступали представления о познании как наблюдении и экспериментировании с объектами природы, которые раскрывают тайны

О философских
основаниях
классического
естествознания

О философских
основаниях
неклассического
естествознания

своего бытия познающему разуму. Причем сам разум надеялся статусом суверенности: он трактовался как дистанцированный от вещей, как бы со стороны наблюдающий и исследующий их, не детерминированный никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик изучаемых объектов.

Неклассический тип рациональности характеризовался отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины природы, выработанной на той или иной стадии развития естествознания. В противовес идеалу «единственно истинной теории», как бы «фотографирующей» исследуемые объекты, допускалась истинность нескольких отличающихся друг от друга теоретических описаний одной и той же реальности. Осмысливались корреляции между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода, посредством которого осваивается объект. В связи с этим принимались такие типы описания и объяснения, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. Если в классической физике идеал описания и объяснения предполагал характеристику объекта «самого по себе», без указания на средства его исследования, то в квантово-релятивистской физике в качестве необходимого условия объективности описания и объяснения было выдвинуто требование жесткой фиксации особенностей средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом. Вводились представления об активности субъекта познания. Теперь он уже рассматривался не как дистанцированный от изучаемого мира, а как находящийся внутри него, как детерминированный им. Возникло понимание того обстоятельства, что ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом нашей постановки вопросов, который зависит от исторических средств и методов познавательной деятельности. На этой основе выросло новое понимание категорий «материя», «пространство», «время», «движение», «истина», «причина», «следствие», «случайность», «необходимость», «часть», «целое» и пр. Вы представляете, какой массив философской работы надо было сдвинуть!

О философских
основаниях
постнеклассического
естествознания

Мы уже упомянули, что с недавнего времени в философскую пропедевтику научных изысканий наряду с экспликацией и рефлексией основных онтологических и гносеологических категорий присовокупилась необходимость аналогичного труда в отношении аксиологических оснований. И это, следует заметить, уже конститутативная особенность современного типа рациональности – постнеклассического. Это, так сказать, гуманитарный ответ на вызовы времени. Дело в том, что эра

ученых-одиночек и ученых узкого круга единомышленников прошла, наступила эпоха крупных исследовательских программ, в которых задействуются специалисты из различных областей знания. В них предусмотрено участие сложных дорогостоящих приборных комплексов, которые обслуживаются целой армией подсобных работников и функционируют аналогично предприятиям промышленного производства. Время ученых-одиночек и ученых узкого круга единомышленников значительно сужало сферу возможностей в смысле постановки целей и потенциальных задач научного поиска, зато обеспечивало независимость. Сейчас же с точностью до наоборот: современные реалии неимоверно расширяют горизонты познания, но в той же мере и лишают ученых прежней независимости. Чтобы по всем параметрам потянуть такую исследовательскую программу, не хватит совокупных сил и средств не только ученых-единомышленников, но и отдельного, даже крупного, государства. Приходится прибегать к международному сотрудничеству. И, как следствие, приходится считаться с тем, что организация такого рода исследований во многом зависит от определения приоритетных направлений, их финансирования, подготовки кадров и др. А в самом процессе принятия решений, определения приоритетов наряду с собственно познавательными целями все большую роль начинают играть цели экономического и социально-политического характера. Организуется специальная социально-гуманитарная экспертиза исследовательских программ, которая во многом решает, давать ли «добро» на их проведение или нет. А как вы хотели – кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Это ново, и это включено в этику науки. И это должны учитывать, над этим должны проводить аналитическую работу ученые, планируя, готовя к экспертизе свой проект. Так что получается: со временем роль философии, доля философски необходимого труда в научных исследованиях не только не понижается, как кому бы этого ни хотелось, а, напротив, неимоверно многообразится и повышается. С чем друг друга можно и поздравить.

Методология науки и философские проблемы естествознания – единственная «ниша» научности философии

Но вернемся, однако, от философичности науки к научности философии. Философия – это особый взгляд на мир, отличный от мифологического, религиозного, обыденного, художественно-образного и научного в том числе. В нем, безусловно, имманентно присутствуют реликты и отпрыски каждого из них, но в своей совокупности, как образование интегральное, он специфичен, уникален, неповторим. Как, собственно, специфичны и уникальны те, которые представлены в виде его составляющих. Казалось бы, ну и что с того – прописные

истины. Так-то оно так, да не совсем. Что характерно: почти никто не говорит, хотя давно пора, что наука должна быть во многом философична, нас призывают к тому, чтобы философия была научна. А это, по моему глубокому убеждению, не только сверхисбыточно, но даже в большинстве случаев вредно. Постараюсь объяснить, что я имею в виду.

Во-первых, вооружаясь инструментарием, категориальным аппаратом, приемами и методами естествознания, философия, так сказать, вторгается на «чужую территорию», где ей не только не будут рады, но в лучшем случае будут смотреть как на «дилетанта» и «подмастерье», а в худшем – как на «зеваку», только мешающего и отвлекающего от дел. Чтобы особенно «не шикали», не избличали в непрофессионализме, а то и попросту в невежестве, философия должна отыскать себе спокойную нишу, «тихую гавань», где можно было бы не спеша предаваться своему излюбленному занятию – безмятежной рефлексии. И она (точнее даже, они), в общем-то, найдена – это методология науки и философские проблемы естествознания. Великолепный, надо сказать, компромиссный вариант – полностью устраивает и ученых, и философов: все при деле и все довольны. Первым льстит то, что их имена, их деятельность, их заслуги не просто дополнительным образом «обессмертвляются» (бессмертия, как известно, слишком много не бывает), не просто ставятся в центр рассмотрения, но для кого-то даже становятся их призванием и чуть ли не смыслом жизни. Вторым не может не льстить, что эта их специализация, эта их профориентация позволяет им, пусть и с «околотка», быть вхожими в «святая-святы», в круг посвященных – в научное сообщество, приучает их не только ощущать себя, но и восприниматься другими пусть и не вровень, так хоть рядом с учеными. К тому же это приносит массу пользы: безмерно повышает эрудицию, расширяет горизонты и познания, и сознания, научает не просто быть в курсе последних «вечаний» в науке, так сказать, «держат руку на пульсе событий», но даже изъясняться по научной проблематике на почти аутентичном для нее языке. И что тоже немаловажно: при этом не чувствовать себя своим среди чужих и чужим среди своих.

О дефиците эвристики в этой самой «нише»

Всем хорошо поле деятельности, да одна беда – маловато эвристики. Волей-неволей приходится шагать по проторенной учеными дороге, быть не на первых ролях, а в лучшем случае, так сказать, в «свите», в «тени». И это не может не накладывать свой «тенево́й» отпечаток. Во-первых, донельзя суживает поле исследовательской деятельности: представляете, все бескрайние горизонты философствования свести

к «пятакчу» толкования естественнонаучных теоретических разработок и истории естествознания. Что касается высокотеоетизированных логико-математических построений, то они, как известно, в эмпирической проверяемости своих положений не нуждаются, а посему никаких интерпретаций не терпят. И, во-вторых, крайне обедняет «палитру» потенциальной концептуализации. Все придется опять же свести, прошу прощения за тавтологичность, к естественнонаучной наукообразности.

О том, что заимствует философ в своем творчестве у ученого-теоретика

Творчество философа даже не столько занимает некое срединное, промежуточное положение между творческими актами ученого-теоретика и деятеля сферы искусства, сколько сочетает, интегрирует их. Его миссия – соединить в себе достоинства, сильные и лучшие стороны того и другого. От ученого он идет, ориентируясь на истину как на высшую не только эпистемологическую, но и в определенном смысле нравственную ценность. В этой связи мне вспоминается суровое, но мудрое высказывание Александра Исаевича Солженицына о том, что слово правды весь мир перевесит. Все остальные мотивы деятельности должны уходить на второй, третий, а то и десятый план. От ученого философ идет, стараясь свои размышления укладывать в «каркас» узловых категорий, а для этого с необходимостью должен провести их экспликацию. От ученого он идет, силясь в изучаемом феномене, хоть природном, хоть общественном, проникнуть в его сущностные характеристики, выявить закономерности его становления и развития, не закликаясь на уникальном и особенном и не уходя в частности. От ученого он идет, все же оборачивая свои концептуальные построения на фактическую сторону дела, если они касаются прошлого и настоящего, или надеясь, что они подтвердятся в будущем, если это футурология и прогнозы или социальные утопии. И, наконец, от ученого он идет, не просто пытаясь представить публике свое мнение, найдя адекватный, как ему кажется, способ самовыражения, а именно стремясь убедить читателя или слушателя в своей правоте.

О том, что заимствует философ в своем творчестве у литератора

Казалось бы, немало. Но не меньшее, если не большее он заимствует у литератора. Философу никогда не достичь, да это было бы и глупо, той необходимой степени объективности и непредвзятости, что требуется от ученого. Философ не может себе позволить быть незаинтересованным, отстраненным от того, что он говорит или пишет. Если это не исходит из глубин его души, если это не соответствует всему складу его морального сознания, если это идет вразрез его убеждениям, то оно будет и звучать лживо и не достигнет

своей главной цели – убедить публику в своей правоте. Если философ не пишет «в свой стол», то он не только не должен дистанцироваться от того, что публикует, но и обязан придать всему этому высокохудожественную форму. Это очень непросто, для этого нужен свой талант, но это в высшей степени для философии благотворно. Если философская концепция написана «топорным языком» или таким, что «черт ногу сломит», а в ней заложена великая идея, то это большая неудача, а то и трагедия автора; а если в ней при этом ничего нет, вместо великой идеи – «пшик», то это «карикатура», пустая трата времени и сил. Причем и писателя, и читателя. А чтобы этого не было, надо экипироваться: учиться изящной словесности, уметь к месту и умело применять красочные метафоры и сравнения, гротеск и гиперболы, аналогии и смысловые обертоны, да и весь остальной «джентльменский набор» литературных навыков и приемов. А то, случись, явится вдруг великая идея, а облечь ее будет не во что.

Сравнение философской концепции с естественнонаучной теорией и высокохудожественной прозой

Спросите себя: на что больше походит философская концепция – на естественнонаучную теорию или литературное произведение? Вопрос, конечно, в том, что за философская концепция и что за литературное произведение? Ответим так: философская концепция не по логике и методологии науки, а произведение – высокохудожественная проза. Чтобы отличить научную теорию от остальных двух достаточно секундного беглого взгляда, а вот чтобы отличить друг от друга философию и литературную прозу, нужно будет вчитаться. Мало того, бывает такое, что и отличить невозможно. Скажу даже более: бывает такая литература, в которой сконцентрирована вся «соль» философии, бывает такая литература, которая является «пиком» философской глубины и «шиком» философского мастерства. Читаешь такое и понимаешь, что так самому никогда не смочь, что это Божий дар, один на человечество, но что это примерно так и должно быть. Мы не успели еще забыть, что философия – это любовь к мудрости, а вовсе не к науке и наукоподобию. Так вот в этой связи я хочу привести слова Курта Воннегута, лауреата Нобелевской премии по литературе, под которыми, кстати, бы я обеими руками подписался. Однажды он, отвечая на вопрос одной журналистки, сказал: «Вся мудрость человечества уже сведена и высказана Ф. М. Достоевским в его “Братьях Карамазовых”». Это воистину так.

Наберитесь смелости и окунитесь хотя бы в омут известной трактирной философской беседы Ивана с Алексеем, где в завершении идет сочиненная Иваном поэма, философская притча о великом инквизиторе и так многими ожидаемом

втором пришествии Иисуса. Это совершенно потрясающе. Вообще надо сказать, что эта трагичная беседа, когда братья по-настоящему знакомятся, в том издании, которое хранится в моей домашней библиотеке, занимает всего 44 страницы текста. Но это такие 44 страницы, за которые многое можно отдать! Это не просто писательская проза – это озарение философского разума, это какая-то квинтэссенция мудрости, это просто чудо какое-то! Можно и покатегоричней, порезче выразить свой восторг, но ограничусь более деликатной, более политкорректной формулировкой: не всякие полные собрания сочинений не всяких философов, даже в их совокупности, по мощи своих интеллектуальных недр, по остроте ума, силе мысли, масштабам и мировоззренческой значимости поставленных вопросов (равно как и данных ответов) стоят этих 44 страниц печатного текста.

Это вовсе не значит, что мудрость человечества при этом исчерпывается произведениями Ф. М. Достоевского, и это вовсе не значит, что, раз они уже написаны, надо самому опускать руки. Это лишь значит, по моему разумению, что есть высший шаблон, высший образец, которым можно гордиться, которым можно восхищаться и по которому можно сверять глубину своих собственных идей и масштабы замыслов, претендующих на статус философских. Если есть высший стандарт времени, измеряемый электронными часами и хранящийся в главной палате мер и весов, это не значит, что надо выбрасывать свои собственные. Умнейших голов и без Ф. М. Достоевского история человечества знавала и знает предостаточно, среди которых изрядная часть, следует заметить, наших отечественных. Перечислять их и их произведения можно сутками. У них многим можно поучиться уму-разуму. Но вот парадокс: среди них нет ни одного наукоподобного. Уж каких только нет, а вот наукоподобного ни одного. Все эти имитирующие научность, называющие себя философскими трактаты в «храм» не вхожи, толпятся где-то около «подворотни». Если без обид, то все это какая-то «ветошь» и «труха», даже ветра истории не надо, чтобы от них и следа не осталось. Хочу подчеркнуть, что сие вполне может относиться и к тому, что пишу я сам. Разница в том, что я это осознаю. Не говоря о величайших умах человечества, по моему мнению, в стихах некоторых песен философии гораздо больше, чем в большинстве сияющих быть научными философских сочинениях.

О засилье иноземных слов как одном из стандартов научности философии

Вы знаете, есть хороший внешний признак, служащий неплохим индикатором для скорого выявления подобного рода философской «макулатуры». Это просто-таки немалое количество в тексте иноземных слов. И к месту, но чаще

всего без всякой надобности. Подобные авторы полагают, что абсолютная масса используемой иностранной лексики – это надежный показатель искомой научности, верное свидетельство интеллекта, эрудиции и профпригодности. Сродни тому, как для некоторых абсолютная масса золота на зубах, пальцах и шее является первейшим и надежным признаком их благосостояния. Только как они не понимают, что много не только ума, но даже и труда не надо, чтобы идентифицировать их на «ветошь». Достаточно будет перевести текст с русского на русский – заменить этот «огород» из иноземных слов на более традиционные аналоги. Понятно, что не везде, но где это возможно. Даже трансляция всего текста и не потребует – хватит нескольких страниц. Многократно проверено: чаще всего за наукоподобной «изгородью» из таких терминов не очень-то умело скрывается скудость ума и пустота мысли. Однако это не комично, а, скорее, трагично, поскольку у многих почему-то сформировалась и утвердилась условно-рефлекторная дуга, которая опять же почему-то и культивируется: насыщенность иноземной терминологией – верное свидетельство требуемой академичности стиля, а значит, косвенно и научности.

О философском
«мелкотемье»

Подозреваю, что высказываемое мной, вероятно, излишне критично, чересчур сурово, не сказать – жестоко. Но, честное слово, наболело. Не раз приходилось слышать сетования главных редакторов солидных философских журналов о засилье мелкотемья. За что боролись, на то и напоролись: это оборотная сторона культивируемой научности. Пишут не потому, что хочется и можно, а потому, что надо. Из пальца «высасывается» темка или проблемка, раздувается, как «воздушный шарик», укладывается в «трафарет» академичности, обильно сдабривается «иноземными» категориями и терминологическими «штампами», и – voila – философская работа готова. Печутся такие статьи, как пирожки. Недаром говорят: терпенье и труд все перетрут.

Да вот «закавыка»: философия не формовочная фабрика, философия не канцелярская работа, ее «задом» не высидишь, трудолюбием и прилежанием не «перетрешь», измором не возьмешь. Талант, как известно, в любом деле не помеха, но тут он должен быть особый, тут должна быть «искра Божья». Тут ничего вымучивать не надо, все само птицей рвется наружу – только успевай записывать. Почти как по Михаилу Жванецкому: писать и писать надо тогда, когда неумогу. Начнешь утягивать, коробить мысль, втискивать ее в «прокрустово ложе» научности – и к науке не приблизишься, и мысль выхлостишь. Достопочтенная же муза

О двухуровневой
системе ученых
степеней

посмотрит разок, посмотрит другой, да и отправится восвояси к Всевышнему с докладом, мол, не обессудьте, имярек поизмылился, поисчерпался.

И вот еще что. Советская наука, равно как и советская система образования, была не только одной из лучших, но и, безусловно, лучшей в мире. То, что делают с ними в последние тридцать с небольшим лет, иначе как издевательством, а по большому счету диверсией, не назовешь. Но я сейчас не об этом, а о том, что если советская система квалификации ученых степеней в сегменте философии на кандидата и доктора философских наук пусть и косвенно, но «вытравливает» ее исконную суть и исконный дух, то надо от нее отказываться. Я всегда гордился советской двухуровневой системой ученых степеней в противовес западноевропейской и североамериканской, но если она мешает делу, плодит в философии приспособленцев, конъюнктурщиков и бездарей, то не пора ли переходить к «доктору философии»?

Честно скажу: я не совсем уверен, но тут есть свои резоны. Дело в том, что «кандидат философских наук» и «доктор философских наук» звучит, по меньшей мере, несерьезно. Это чем-то мне напоминает научность «научного атеизма» и научность «научного коммунизма». Никаких философских наук, равно как и вообще гуманитарных наук, быть не может, а могут быть гуманитарные дисциплины, поэтому нет ничего нелогичного в том, чтобы не быть доктору философских наук, а быть доктору философии. Однако при этом я ратую вовсе не за введение одноступенчатой системы по квалификации ученых степеней, а лишь за некоторую новацию. А именно: за переформулировку доктора философских наук в доктора философии, а кандидата философских наук в магистра философии и, соответственно, кандидатской диссертации по философии в магистерскую. Не менее логично, на мой взгляд, также видоизменить в сфере гуманитарного знания сам термин «ученая степень» на «квалификационная степень», а раздел «научная новизна», соответственно, на «философскую новизну». Согласитесь, претендовать философу на научную новизну, а тем более требовать оного от диссертанта, по меньшей мере, самонадеянно. Если в работе присутствует философская новизна, то этого уже вполне достаточно. Фетишизации в лоне философии «бренда» науки и научности приводит не только к драматичным, но даже и вопиющим парадоксам. От максимальных обобщений, пожалуй, воздержусь, но скажу так: практически никто из известных философов, от античности и до советских времен, в подавляющем большинстве диссертационных советов не смог бы защитить не только своих

докторских, но даже и кандидатских диссертаций. Они никак бы не вписывались в каноны ревностно охраняемых требований научности. Но если это так, то, согласитесь, впору говорить о вредоносности.

Химера, как известно, мифическое огнедышащее чудовище, порожденное Ехидной и Тифоном, с львиной головой, телом козла и змеиным хвостом. Она периодически опустошала Ликию и была убита Беллерофонтом, поднявшимся в воздух на крылатом Пегасе. Не находите, что это знаменательно и символично? Философ может избавиться от опустошительной для его творчества химеры научности, только поднявшись над землей на Пегасе – крылатом коне вдохновения. Чего я, собственно, всем и желаю.

